
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.04.12

РАНЧИН А.М.¹ КОНЦЕПЦИЯ ТИРАНИИ У ИОСИФА БРОДСКОГО: СТИХОТВОРЕНИЕ «ОДНОМУ ТИРАНУ» И ЭССЕ «ON TYRANNY»

Аннотация. В статье рассматривается концепция тирании, представленная в двух произведениях Иосифа Бродского – в стихотворении «Одному тирану» и в эссе «О тирании». Стихотворение Бродского «Одному тирану» – замечательный пример художественного воплощения идей, описывающих тиранию. Характеристика тирании Бродским строится не с помощью суждений, а на коннотативных значениях лексем, на метонимиях. По содержательности концепция Бродского, в полном объеме не выраженная в его текстах эксплицитно, в виде логических заключений, сопоставима с построениями политических философов. Продемонстрировано сходство этой концепции с теорией тоталитаризма Ханны Арендт. Взгляд поэта на тиранию и тирана исполнен абсолютной иронии, что соответствует выраженному в Нобелевской лекции представлению автора о соотношении литературы и любого государства.

Ключевые слова: «Одному тирану» и «О тирании» Иосифа Бродского; тирания; концепция; тоталитаризм; Дж. Оруэлл; Ханна Арендт.

Для цитирования: Ранчин А.М. Концепция тирании у Иосифа Бродского: стихотворение «Одному тирану» и эссе «On Tyranny» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

¹ Ранчин Андрей Михайлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; aranchin@mail.ru

**Концепция тирании у Иосифа Бродского: стихотворение
«Одному тирану» и эссе «On Tyranny»**

Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 194–209. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.12

Поступила: 24.03.2025

Принята к печати: 31.07.2025

RANCHIN A.M.¹ The concept of tyranny in Joseph Brodsky: the poem *To one tyrant* and the essay *On Tyranny*

Abstract. The article examines the concept of tyranny presented in two works by Joseph Brodsky – in the poem *To One Tyrant (Одному тирану)* and in the essay *On Tyranny*. Brodsky's poem *To One Tyrant* is a wonderful example of the artistic embodiment of ideas describing tyranny. Brodsky's characterization of tyranny is built not with the help of judgments, but on the connotative meanings of lexemes, on metonymies. In terms of content, Brodsky's concept, not fully expressed in his texts explicitly, in the form of logical conclusions, is comparable to the constructions of political philosophers. The similarity of this concept with Hannah Arendt's theory of totalitarianism is demonstrated. The poet's view of tyranny and tyrant is filled with absolute irony, which corresponds to the author's idea of the relationship between literature and any state, expressed in his Nobel lecture.

Keywords: *To one tyrant* and *On Tyranny* by Joseph Brodsky; tyranny; concept; totalitarianism; George Orwell; Hannah Arendt.

To cite this article: Ranchin, Andrey M. “The concept of tyranny in Joseph Brodsky: the poem *To one tyrant* and the essay *On Tyranny*”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2025, pp. 194–209. DOI: 10.31249/lit/2025.04.12 (In Russian)

Received: 24.03.2025

Accepted: 31.07.2025

Тема тирании непосредственным образом выражена в двух произведениях Иосифа Бродского – стихотворении «Одному тирану» (1972) и эссе «On Tyranny» («О тирании», 1979)². Рассмотрению содержащейся в них концепции тирании посвящена нижеследующая статья³. Ни один из двух текстов не является политико-

¹ **Ranchin Andrey Mikhailovich** – DS in Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; aranchin@mail.ru

² О датировке эссе см.: [Куллэ, 2001, с. 361].

³ Мотив тирании и образы тиранов присутствуют во многих стихотворениях Бродского, суждения о тирании имеются в его интервью. Однако именно в «Одному тирану» и в эссе «О тирании» природа тирании становится непосредственным предметом интерпретации.

философским трактатом, тем не менее даже в случае со стихотворением «Одному тирану» можно говорить об осмыслении феномена тирании в художественной, образной форме.

Начнем со стихотворения «Одному тирану».

Одному тирану

Он здесь бывал: еще не в галифе –
в пальто из драпа; сдержанный, сутулый.
Арестом завсегда тае в кафе
покончив позже с мировой культурой,
он этим как бы отомстил (не им,
но Времени) за бедность, униженья,
за скверный кофе, скуку и сраженья
в двадцать одно, проигранные им.

И Время проглотило эту месть.
Теперь здесь людно, многие смеются,
гремят пластинки. Но пред тем, как сесть
за столик, как-то тянет оглянуться.
Везде пластмасса, никель – все не то;
в пирожных привкус бромистого натра.
Порой, перед закрытьем, из театра
он здесь бывает, но инкогнито.

Когда он входит, все они встают.
Одни – по службе, прочие – от счастья.
Движением ладони от запястья
он возвращает вечеру уют.
Он пьет свой кофе – лучший, чем тогда,
и ест рогалик, примостившись в кресле,
столь вкусный, что и мертвые “о да!”
воскликнули бы, если бы воскресли.

[Бродский, 2001б, с. 9]

Лексема-атрибутив *одному* употреблено здесь, очевидно, в значении неопределенного местоимения, как ‘какой-то, некий’¹.

¹ Ср.: [Словарь, 1959, стб. 673].

Это значение указывает на близость, неиндивидуализированность тирана, а также на обобщенный характер его образа. Такое значение, близкое к тому, что выражает в английском языке неопределенный артикль *a/an*, акцентировано благодаря контрасту с другими, тоже присущими местоимению-прилагательному¹ *один*: ‘обособленный от других, оставшийся или существующий без других, в одиночестве’, ‘только, исключительно указанный здесь; никакой другой, кроме указанного’, ‘определенный из группы однородных предметов, явлений’ и ‘именно этот, такой’ [Словарь, 1959, стб. 670, 671, 674]. Эта близость подчеркивается далее отсутствием у тирана имени: персонаж последовательно именуется далее только местоимением *он*. Впрочем, по-видимому, это местоимение наделено и совсем другими коннотациями. В русском переводе Библии так неоднократно обозначается Бог – во избежание употребления имени Господа всуе, чтобы предотвратить его профанацию, обесценивание. Такое обозначение было усвоено русской поэзией. Показательны, например, переложения псалмов. Так, Василий Тредиаковский в парафразае 143 псалма пишет:

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне его;
Дух мой твердо уповает
На заступника сего:
Он защитник, покровитель,
Он прибежище, хранитель.
Повинуя род людей,
Дал он крайню мне владети,
Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

[Тредиаковский, 1963, с. 141–142]

В издании переложения в составе брошюры «Три оды парафрастические <...>» (1744) местоимения, обозначающие Господа, в том числе *ОН*, выделены прописными литерами [Тредиаковский, 1989, S. 436]. Творец именуется Господом и Богом только в первой строфе переложения 147 псалма: «Твой Господь и Бог есть Он», из остальных семи катренов в трех никаких именовании Бога нет, в четырех же это личное *Он* или (в одном случае) омонимичное

¹ В «школьной» традиции – числительному.

двум его формам притяжательное местоимение *Ego* [Trediakovskij, 1989, S. 371–372].

Порою местоимение *он* использовалось поэтами как единственное, самодостаточное именование Бога, вне корреляции со словами *Господь*, *Бог*, *Творец*, *Всевышний* – когда эти слова в поэтических текстах не употреблялись. Хрестоматийный пример – стихотворение Федора Глинки «Бедность и утешение», в котором обездоленный муж, обращаясь к жене, восклицает: «Бог даст детей?.. – Ну что ж? – пусть он наш будет кум!» [Глинка, 1957, с. 108]. Стих стал в будущем знаменитым благодаря строкам из пушкинского письма Петру Плетневу от 7 января 1831 г.: «Бедный Глинка работает как батрак, а проку все нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить к себе в кумовья! вообрази, в какое положение приведет он и священника и дьячка, и кума и бабку, да и самого кума – которого заставят же отречься от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу» [Пушкин, 1941, с. 141]. Сам Пушкин использовал аналогичный прием: во вступлении к «Медному Всаднику» уподобив Петра – создателя Петербурга Богу – творцу мира, чей дух «носился над водою» (Быт. 1: 2), поэт именует царя *он*: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн» [Пушкин, 1948, с. 135]. Число примеров употребления местоимения *он* как обозначения Божества несложно умножить.

Переложения 147-го псалма, принадлежащего Тредиаковскому, Бродский – автор стихотворения «Одному тирану» знать не мог: оно в 1972 г. оставалось неопубликованным. Парафразис же 143-го псалма он наверняка знал – и потому, что интересовался русской поэзией XVIII в., и потому, что текст был напечатан в широко известной серии «Библиотека поэта». Стих Глинки ему, скорее всего, тоже был знаком: стихотворение также вошло в состав книги этой же серии; к тому же выразительный пушкинский отклик должен был привлечь внимание к этой строке. Но, так или иначе, тиран у Бродского наделен квазисакральным ореолом, в чем проявляется парадокс: тирания – культ безликости. Мало того – ничтожества, пустого места.

Оценка тирана не просто как заурядности, но именно как существа мелкого и ничтожного проявляется в ретроспективном взгляде – напоминании о его прошлом. Он был как все, и даже мельче прочих: носил «пальто из драпа» – грубой, дешевой ткани.

**Концепция тирании у Иосифа Бродского: стихотворение
«Одному тирану» и эссе «Он Тиранну»**

К тому же благодаря паронимической аттракции – сближению с уничижительно звучащим грубо-просторечным глаголом *драпать* – ‘бежать, отступать’ [Словарь, 1954, стб. 1092] деталь приобретает саркастические коннотации. Эти ассоциации поддерживаются упоминаниями о *проигранных сраженьях*: проигравшая сторона обычно отступает → бежит → драпает. Однако эти проигрыши оказываются не военными, а карточными: автор иронически отсекает с помощью enjambement несогласованное приложение *в двадцать одно* (название карточной игры) от определяемого слова *сраженья*. Будущий тиран предстает закомплексованным человеком, мстящим Времени за эти проигрыши, за *скверный кофе, бедность и униженья*. Он обременен комплексом неполноценности, проявление которого – сгорбленность, сутулость. Военные или полувойенные брюки-галифе – атрибут, позволяющий соотносить тирана с такими историческими фигурами XX в., как Муссолини, Гитлер, Сталин¹ (и Берия), Мао Цзедун, Фидель Кастро². Одновременно это свидетельство его самозванства: штатский человек, которому пристало носить драповое пальто, напялил на себя *чужие, не заслуженные им галифе*. Но культ военной формы, милитарность – органическая установка тирании, соотношенная с насилем в отношении реальной или мнимой оппозиции (*арест завсегдаев кафе*). Милитарность корреспондирует с террором. Синтаксически оформленное указание на террор и, соответственно, страх как на инструменты управления обществом содержится дальше, во второй строфе – во второй части третьей строки:

¹ О.А. Лекманов (признан Минюстом РФ иностранным агентом. – *Прим. ред.*) рассматривает одежду тирана как однозначное указание на Сталина, однако считает, что «[ф]антастическая, никогда не имевшая места в реальности ситуация, в которой оказывается в стихотворении Бродского “Одному тирану” вполне узнаваемый советский властитель, превращает его в фигуру обобщенную и символическую» [Лекманов, 2012, с. 75]. Не думаю, что герой стихотворения соотносится именно со Сталиным: военную или полувойенную одежду носили многие деспоты XX в. Более оправданным представляется суждение Я.А. Гордина, высказанное в его интервью В.П. Полухиной: «...стихи “Одному тирану” <...> вовсе не есть портрет Сталина или Гитлера, или того и другого вместе. Это предельно конкретизированная, но очень обширная метафора» [Полухина, 1997, с. 69].

² Бродский рассматривал вождей разных тоталитарных режимов в одном ряду: «Вспомним Ленина, Гитлера, Сталина, Мао, Кастро, Каддафи, Хомейни, Амина и проч.» (эссе «О тирании» [Бродский, 2001в, с. 86]). Ср. высказывание в Нобелевской лекции (1987): «Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Дзэдун, так тот даже стихи писал; список их жертв тем не менее далеко превышает список ими прочитанного» [Бродский, 2001а, с. 12].

«Но перед тем, как сесть». Благодаря enjambement от сказуемого *сесть* отсекается обстоятельство *за столик*. Между тем *сесть* без зависимого слова в разговорном русском языке означает ‘быть помещенным в тюрьму’.

В первой строфе выстроена оппозиция милитарное, терроризирующее, «антиприватное» ↔ приватное, частное, акцентированная благодаря рифме, которую составляют лексемы *галифе* и *кафе*. Комически звучащая рифма *сутулый* – *культурой* подчеркивает закомплексованность тирана, питающего ненависть к *мировой культуре* и тщетно претендующего на тотальный контроль над нею: мировая культура по определению не может быть уничтожена одним тираном, властвующим на ограниченном пространстве, которое автор как бы иронически (по отношению к притязаниям тирана) сжимает до пределов кафе. Впрочем, допустимо и другое толкование: мировая культура сводится к пространству кафе в узком сознании невежественного и глупого диктатора. Образ кафе восходит к роману Джорджа Оруэлла «1984», в котором несколько раз упоминается кафе «Каштан», где некогда собирались позднее подвергшиеся чистке и репрессиям бывшие руководители Партии: «...кафе “Каштан” – пристанище художников и музыкантов. Ходить в “Каштан” никакие правила, даже неписанные, не запрещают, но место это все равно несчастливое. Прежние лидеры Партии, развенчанные, сживали там, пока их не вычистили окончательно. Говорят, и самого Гольдштейна видели сколько-то лет, а может, и десятилетий назад» [Оруэлл, 2021, с. 64–65]. Гольдштейн и два других изгоя после временного освобождения приходят именно в это кафе, но вскоре их ожидают новый арест и гибель. Сюда же приходит и раздавленный, признавший правоту Большого Брата Уинстон – главный герой романа¹.

¹ См.: [Оруэлл, 2021, с. 86–87, 319, 327]. На параллель с романом Джорджа Оруэлла впервые указал автору этих строк А.К. Жолковский в устной беседе. Лев Лосев заметил: «В критике реального социализма, то есть тоталитарных режимов, Бродский следует традиции своих кумиров», среди них биограф называл и Оруэлла [Лосев, 2008, с. 248]. При проекции стихотворения на этот претекст теряют смысл предпринятая О.А. Лекмановым попытка соотнести посещение кафе в «Одному тирану» с биографиями конкретных диктаторов и отождествление одного из *завсегдатаев кафе* с Осипом Мандельштамом. Видеть в выражении *мировой культуры* аллюзию на мандельштамовскую тоску по мировой культуре, как это делает исследователь, едва ли оправданно: словосочетание, употребленное Бродским, является стереотипным. См.: [Лекманов, 2012, с. 72–73].

Весьма интересны упоминания о посещении тираном театра перед приходом в кафе и об обычае появляться в кафе инкогнито: «Порой, перед закрытием, из театра / он здесь бывает, но инкогнито». Походы тирана в театр – мотив, очевидно отсылающий к частым посещениям спектаклей МХАТ Сталиным. Однако у этого мотива есть, несомненно, и другие коннотации. Из сообщения о приходе тирана из театра неясно, какой была цель посещения: был персонаж в театре в качестве зрителя или актера? Для тирании характерны, с одной стороны, театрализация, любовь к ритуалам, высокая семиотичность, создающая вокруг власти квазисакральный ореол, а с другой – показная простота, мнимая близость к народу. Пища и питье его – самые обыкновенные: *рогалик* и *кофе*. (*Рогалик* согнут, он в форме рога, он *сутулый*, как и тиран – оба кривые в изображаемом кривом мире.) И сидит тиран не на троне, а в обыкновенном *кресле*. *Галифе* тирана – своего рода театральный костюм, персонаж стихотворения играет себя самого, но не как сутулого замкнутого человека, обремененного комплексами, а как аскетичную сильную личность, лидера нации, мобилизующего ее на победы. Тиран скромн, прост и не боится общаться со своим народом, приходя в кафе *инкогнито*. Он как будто бы не нарушает обычного времяпрепровождения посетителей: «Движением ладони от запястья / он возвращает вечеру уют». Впрочем, инкогнито это мнимое: публика сразу опознает вождя: «Когда он входит, все они встают. / Одни – по службе, прочие – от счастья». Встающие *по службе* – может быть, в том числе и люди из охраны тирана, так что спектакль хождения диктатора «в народ» совершается со всеми необходимыми мерами предосторожности.

Но у любви тирана к театру есть, по-видимому, и коннотации более специфического рода. «Образцовым» тираном со времен Римской империи считался император Нерон. А его отличала любовь к театральным выступлениям – причем не только в качестве зрителя, но и в роли актера. Гай Светоний Транквилл в жизнеописании Нерона сообщает: «Зрелища он устраивал многочисленные и разнообразные: юношеские игры, цирковые скачки, театральные представления, гладиаторский бой. <...> На представлениях, которые он учредил во имя вечности империи и назвал Великими играми, в комедиях выступали мужчины и женщины из высших сословий <...>». Об участии Нерона в театральных представлениях Светоний пишет: «Впервые он выступил в Неаполе; и хотя театр дрогнул от неожиданного землетрясения, он не остановился, пока не кончил начатую песнь. Выступал он в Неаполе часто и пел по

несколько дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по-гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уже споет что-нибудь во весь голос. Ему понравились мерные рукоплескания александрийцев, которых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии еще больше гостей; не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч дюжих молодцов из простонародья, разделил на отряды и велел выучиться рукоплесканиям разного рода <...> Но важнее всего казалось ему выступить в Риме <...> Встав на сцене и произнеся вступительные слова, он <...> объявил, что петь он будет “Ниобу”, и пел ее почти до десятого часа. Продолжение состязания и выдачу наград он отложил до следующего года, чтобы иметь случай выступить еще несколько раз; но и это ожидание показалось ему долгим, и он не переставал вновь и вновь показываться зрителям. Он даже подумывал, не выступить ли ему на преторских играх, состязаясь с настоящими актерами за награду в миллион сестерциев, предложенную распорядителями. Пел он и трагедии, выступая в масках героев и богов и даже героинь и богинь: черты масок напоминали его лицо или лица женщин, которых он любил. Среди этих трагедий были “Роды Канаки”, “Орест-матереубийца”, “Ослепление Эдипа”, “Безумный Геркулес”». К собственным выступлениям император относился более чем серьезно, а к славе других актеров – ревниво: «При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актер ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканьями и кликами народа. Победителем он объявлял себя сам, поэтому всякий раз он участвовал и в состязании глашатаев. А чтобы от прежних победителей нигде не осталось ни следа, ни памяти, все их статуи и изображения он приказывал опрокидывать, тащить крюками и сбрасывать в отхожие места». Светоний приводит слух, говорящий о таком ревнивом отношении тирана к другим актерам: «Некоторые уверяют, что и актер Парис был им убит как опасный соперник». Перед лицом неизбежной смерти Нерон «всхлипывал и все время повторял: “Какой великий артист погибает!”» (пер. М.Л. Гаспарова) [Светоний, 1964, с. 152, 155–156, 157, 171, 169].

**Концепция тирании у Иосифа Бродского: стихотворение
«Одному тирану» и эссе «Он Тирану»**

У мотива появления тирана инкогнито имеются особенные семантические обертона. Инкогнито, согласно информации Чмыхова – знаконца городничего Сквозника-Дмухановского, должен инспектировать уездный город ревизор. Именно это «инкогнито проклятое» [Гоголь, 1951, с. 16] оказывается одной из причин роковой ошибки, совершенной Антоном Антоновичем и его подчиненными: ничтожество, «сосульку», «тряпку» [Гоголь, 1951, с. 93] Хлестакова приняли за высокого ранга ревизора с особыми полномочиями. Иван Александрович – самозванец, сыгравший эту роль, хотя изначально и не пытавшийся никого обманывать¹. При чем движет им в его фантазмагорических рассказах чувство ущемленного мелкого чиновника, «маленького человека»². Тиран Бродского – тоже «маленький человек», но дорвавшийся до реальной большой власти. И он тоже *самозванец*. Выбор Бродским глагольной формы (деепричастия) *примостившись* для характеристики деспота, сидящего в кресле, указывает на его так и не изжитые комплексы, на неуверенность³. Вместе с тем это и указание на обыкновенность тирана, в котором нет никакого величия.

«Хлестаковский» подтекст в стихотворении Бродского, между прочим, прослеживается и в упоминании о встающих перед тираном подданных, и в снисходительно-милостивом жесте героя, позволяющего им сесть и вести себя непринужденно. В «Ревизоре» этим сообщениям соответствуют реплики Ивана Александровича «Что вы, господа, стоите? пожалуста, садитесь!» и «Без чинов, прошу садиться» [Гоголь, 1951, с. 48] и ремарка «(*Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев*)» (показана реакция чиновников на фантазмагорические рассказы приезжего о своей значимости [Гоголь, 1951, с. 50]). Хлестаков по дороге в Саратовскую губернию проигрался на бильярде, а оказавшись в доме городничего, почти сразу же спрашивает: «Скажите, пожалуста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?» [Гоголь, 1951, с. 46]. Тиран же неудачно играл в карты – «в двадцать одно». Эти совпадения можно было бы счесть случайными, если бы не упоминание Бродским о

¹ Ср. о поведении Хлестакова: [Манн, 1996, с. 184–206].

² См. об этом подробнее: [Лотман, 1992, с. 345–349, 361–363].

³ Ср.: «**ПРИМОСТИТЬСЯ** <...> Разг Поместиться, устроиться где-л., где не очень удобно, пристроиться» [Словарь, 1987, с. 425]. Тиран словно бы боится вольготно разместиться в кресле, садясь на краю или вжимаясь в него.

театре и особенно слово *инкогнито*, побуждающее вспомнить о «Ревизоре» любого, кто не понаслышке знаком с русской классикой.

Тиран в стихотворении Бродского – предмет обожания, культа со стороны публики, при его виде встающей «от счастья». Он – тот, кто словно бы обещал ей «уют» и комфорт. Он – над массами и вместе с тем словно плоть от их плоти, он, обладающий полубожественной харизмой, прост и неприхотлив в еде. Хождение тирана «в народ» вызывает восторг публики.

В эссе «О тирании» Бродский развивает мысль о деиндивидуализации, о господстве масс как о черте современных обществ: «В наше время все новые социально-политические устройства, как демократические, так и авторитарные, уводят все дальше от духа индивидуализма, к стадному натиску масс. Идея экзистенциальной исключительности человека заменяется идеей анонимности». Именно масса – опора тирании: «Жужжащая скука программы партии, серый, неприметный вид ее вождей привлекают массы как собственное отражение. В эпоху перенаселенности зло (равно как и добро) так же посредственны, как их субъекты. Хочешь быть тираном – будь скучен»; «Вот этим и занимается тирания: организует для вас вашу жизнь. Делает она это с наивозможной тщательностью, уж безусловно лучше, чем демократия. К тому же она делает это для вашей же пользы, ибо любое проявление индивидуализма в толпе может быть опасно: прежде всего для того, кто его проявляет, но и о том, кто стоит рядом, тоже надо подумать» [Бродский, 2001в, с. 86, 87, 90–91] (авториз. пер. с англ. Льва Лосева).

Определения понятий *тиран* и *тирания* Бродский не дает, но из контекста следует, что тиран трактуется в соответствии со словарным значением лексемы как ‘самовластный правитель, действия которого основаны на произволе и насилии; деспот’ [Словарь, 1963, стб. 458] и согласно классическому определению Аристотеля в трактате «Политика» (кн. III, V, 1–4, 1279a–1279b, кн. III, V, 5, 1279b): тирания – отклонение от царской власти. «Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя»; «Тирания <...> есть деспотическая монархия в области политического общения» [Аристотель, 1983, с. 457].

В эссе Бродского эксплицитно выражена идея о заурядности тирана, об отсутствии у него персональной харизмы, об обремененности комплексом неполноценности: «Люди становятся тиранами не потому, что испытывают к этому призвание, но и не по чистой случайности. Человек с подобным призванием обычно предпочитает короткий путь и тиранит собственную семью, тогда

как настоящие тираны обычно застенчивы и вообще ужасно скучны в быту»; «И они скучны, и скучна их жизнь. Единственные свои радости они получают в процессе карабкания, когда видят, что удалось перехитрить соперника, оттолкнуть, разжаловать» [Бродский, 2001в, с. 86–87].

Подчеркивает автор эссе и безликость тирании, правда характеризуя не ярких, «штучных» тиранов XX в., а коллективную, партийную тоталитарную власть – и в этом сходство тиранов с массами: «Все же есть нечто завораживающее в этих пустых, серых, ничем не замечательных лицах: они выглядят как все, что почти придает им оттенок подпольности; они одинаковы, как трава. Визуальное однообразие дает дополнительную глубину принципу “народного правительства”: здесь правят *никто*. Но когда тобой правят никто, это самая всеобъемлющая форма тирании, ибо *никто* выглядят как *все*. Во многих отношениях они представляют массу – вот почему им нет нужды проводить выборы» [Бродский, 2001в, с. 90].

Концепцию тирании, представленную в рассмотренных текстах Бродского, можно сформулировать в виде серии положений: тираны заурядны; их жажда власти – следствие комплекса неполноценности; сущность тирании – стремление к тотальному контролю; проявление таких поползновений – ненависть к индивидуализму, выражением которого являются приватность и культура; тирания культивирует милитарность; тирания прибегает к театрализации различного рода (собственно, атрибуты милитарности и являются частными случаями такой театрализации); для тирании органичны репрессии, террор в отношении подданных; тиран – плоть от плоти массы, манифестация ее желаний и чаяний. Этот комплекс представлений описывает тоталитарные системы, характерные для Нового времени.

Концепция Бродского обнаруживает несомненное сходство с теорией тоталитаризма, разработанной Ханной Арендт. Мысль Бродского о заурядности тирании созвучна с ее идеей банальности зла¹. Представление о тиране как о выразителе желаний масс также сходно с принадлежащим Арендт, утверждающей: «Совершенно очевидно, что массовая поддержка тоталитаризма не проистекает ни из невежества, ни из процесса промывания мозгов» [Арендт, 1996, с. 7, примеч. 1] и демонстрирующей связь между вождем и массами: «Тоталитаризм же никогда не довольствуется

¹ Ср.: [Арендт, 2008].

правлением с помощью внешних средств, а именно государства и машины насилия. Благодаря своей необыкновенной идеологии и роли, назначенной ей в этом аппарате принуждения, тоталитаризм открыл способ господства над людьми и устрашения их изнутри. В этом смысле он уничтожает расстояние между управляющими и управляемыми и достигает состояния, в котором власть и воля к власти, как мы их понимаем, не играют никакой роли или в лучшем случае – второстепенную роль. По сути, тоталитарный вождь есть ни больше ни меньше как чиновник от масс, которые он ведет; он вовсе не снедаемая жаждой власти личность, во что бы то ни стало навязывающая свою тираническую и произвольную волю подчиненным. Будучи, в сущности, обыкновенным функционером, он может быть заменен в любое время, и он точно так же сильно зависит от “воли” масс, которую его персона воплощает, как массы зависят от него. Без него массам не хватало бы внешнего, наглядного представления и выражения себя и они оставались бы бесформенной, рыхлой ордой. Вождь без масс – ничто, фикция» [Арендт, 1996, с. 432]. Как она показывает: «Высшая задача вождя состоит в том, чтобы олицетворять двойную функцию, характерную для каждого пласта движения, – выступать в качестве магической защиты движения от внешнего мира и в то же время служить мостиком, с помощью которого движение связывает себя с внешним миром. Вождь представляет движение способом, полностью отличающимся от способов, распространенных среди обычных партийных лидеров; он требует личной ответственности за каждое действие, будь то подвиг или преступление, предпринятое любым членом партии или функционером в пределах его должностных обязанностей. Эта тотальная ответственность составляет наиболее важную организационную особенность так называемого принципа вождизма, согласно которому любой функционер не просто назначен вождем, но и является его реально действующим представителем на местах и каждое распоряжение при этом исходит как бы из одного-единственного, всегда наличествующего источника. Это полное отождествление вождя с каждым назначенным им мини-вождем и эта монополия на ответственность за все, что происходит, также выступают наиболее отчетливыми признаками, по которым можно отличить тоталитарного вождя от обычного диктатора или деспота. Тираник никогда бы не стал отождествлять себя со своими подчиненными, не говоря уже о каждом их действии; он может использовать их в качестве козлов отпущения и охотно критиковать их для того, чтобы самому уберечься от гнева

народа, но он всегда будет поддерживать абсолютную дистанцию со всеми своими подчиненными и со всеми своими подданными» [Арендт, 1996, с. 492].

Неизвестно, был ли Бродский знаком с идеями Арендт, когда писал стихотворение «Одному тирану». Нельзя исключить, что перед нами не след влияния ее концепции, а знаменательное совпадение умозаключений политолога с ощущениями и впечатлениями стихотворца. Но позже (правда, намного позже – в 1995 году) Бродский, по свидетельству Лиамы Маккарти, одного из его студентов, рекомендовал книги Арендт в ряду сочинений западных и русских писателей, мемуаристов и философов¹.

Стихотворение Бродского «Одному тирану» – замечательный пример концентрированного выражения в художественной форме системы идей, описывающих тиранию. Характеристика тирании Бродским строится не с помощью суждений, как в гражданской лирике – в «риторических» стихотворениях, с «развитием логической аргументации» [Гаспаров, 2023, с. 680], а на коннотативных значениях лексем, на метонимиях наподобие *сутулый* как знака закомплексованности, мелкости и заурядности, *галифе* как обозначения милитарности, присущей диктатуре, *кафе* как знака частного пространства. (Более сложный случай – *театр*, который может быть трактован и в качестве метафоры реализуемых властью театрализованных сценариев.) По содержательности концепция Бродского, в полном объеме не выраженная в его текстах эксплицитно, в виде логических заключений, сопоставима с построениями политических философов. Взгляд поэта на тиранию и тирана исполнен абсолютной иронии, что соответствует позднее выраженному представлению автора о соотношении литературы и любого государства: «Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации. Негодование, ирония или безразличие, выражаемые литературой зачастую по отношению к государству, есть, по существу, реакция постоянного, лучше сказать – бесконечного, по отношению к временному, к ограниченному» («О тирании» [Бродский, 2001в, с. 7–8]).

¹ См.: [Лосев, 1998, с. 46–47].

Список литературы

1. *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой ; послесл. Э. Зуроффа. – Москва : Европа, 2008. – 424 с. – (Холокост).
2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова ; послесл. Ю.Н. Давыдова ; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – Москва : ЦентрКом, 1996. – 672 с.
3. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4 / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А.И. Доватура. – 830 с.
4. [Бродский И.А.]. Сочинения Иосифа Бродского : [в 7 т.] / общ. ред.: Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001а. – Т. 1 / сост. Г.Ф. Комаров. – 304 с.
5. [Бродский И.А.]. Сочинения Иосифа Бродского : [в 7 т.] / общ. ред.: Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001б. – Т. 3 / сост. Г.Ф. Комаров. – 312 с.
6. [Бродский И.А.]. Сочинения Иосифа Бродского : [в 7 т.] / общ. ред.: Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001в. – Т. 5 / ред. пер.: В.П. Гольшев ; ред.: И.А. Муравьева ; коммент.: В.А. Куллэ. – 376 с.
7. *Гаспаров М.Л.* Лирика науки // Гаспаров М.Л. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – Т. 6 : Наука и просветительство / сост. К.М. Поливанова, А.Б. Устинова. – С. 679–684.
8. *Глинка Ф.Н.* Избранные произведения / вступит. ст., подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова. – Ленинград : Советский писатель, 1957. – 503 с. – (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
9. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений : [в 14 т.] / гл. ред. Н.Л. Мещеряков. – [Москва ; Ленинград] : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 4 : Ревизор / ред. Б.В. Томашеский ; текст подгот. В.Л. Комарович ; коммент. сост. В.В. Гиппиус и В.Л. Комарович. – 552 с.
10. *Куллэ В.А.* Комментарий // [Бродский И.А.]. Сочинения Иосифа Бродского : [в 7 т.] / общ. ред.: Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. – Т. 5 / ред. пер.: В.П. Гольшев ; ред.: И.А. Муравьева ; коммент.: В.А. Куллэ. – С. 355–374.
11. *Лекманов О.А.* Загадка стихотворения Иосифа Бродского «Одному тирану», (январь, 1972) // Восьмая международная летняя школа по русской литературе : статьи и материалы. – Kaukoletsmäälä (Цвелодубово) : Свое издательство, 2012. – С. 71–76.
12. *Лосев Л.* Вступление // Иосиф Бродский: труды и дни / ред.-сост. П. Вайль и Л. Лосев. – Москва : Независимая Газета, 1998. – С. 43–50.
13. *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский : опыт литературной биографии. – 3-е изд., испр. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 447, [1] с. – (Жизнь замечательных людей ; Вып. 1299 [1099]).
14. *Лотман Ю.М.* О Хлестакове // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 337–364.
15. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя // Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. – Москва : Coda, 1996. – С. 7–364.

**Концепция тирании у Иосифа Бродского: стихотворение
«Одному тирану» и эссе «Он Тырану»**

16. *Оруэлл Дж.* 1984 : новый перевод : [роман] / пер. с англ. Л. Бершидского. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 352 с. – (Альпина. Антиутопии).
17. *Полухина В.П.* Трагедийность мировосприятия. Интервью с Яковом Гординым, 31 мая 1989 года, Париж // Полухина В. Бродский глазами современников. Сборник интервью / ред. В.А. Куллэ. – Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 1997. – С. 56–73.
18. *Пушкин [А.С.]*. Полное собрание сочинений, 1837–1937 : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 5 : Поэмы, 1825–1833 / ред. С.М. Бонди, Н.В. Измайлов, Б.М. Эйхенбаум, Д.П. Якубович ; общ. ред. С.М. Бонди. – 513 с.
19. *Пушкин [А.С.]*. Полное собрание сочинений, 1837–1937 : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 14 : Переписка, 1828–1831 / ред.: Л.Л. Домгер, Н.В. Измайлов, Б.Л. Модзалевский, Д.П. Якубович ; общ. ред. Н.В. Измайлов. – 547 с.
20. *Светоний Транквилл Гай*. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты) / изд. подгот. М.Л. Гаспаров и Е.М. Штаерман ; отв. ред. С.Л. Утченко. – Москва : Наука, 1964. – 375 с. – (Литературные памятники).
21. *Словарь русского литературного языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1987. – Т. 3 : П–Р. – 451 с.
22. *Словарь современного русского литературного языка*. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 3 : Г–Е. – 1339 с.
23. *Словарь современного русского литературного языка*. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8 : О / ред. тома Л.С. Ковтун и И.Н. Шмелева. – 1840 стб.
24. *Словарь современного русского литературного языка*. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 15 : Т / ред. тома Г.А. Качевская и Е.Н. Толикина. – 1286 стб.
25. *Третьяковский В.К.* Избранные произведения / вступит. ст. и подгот. текста Л.И. Тимофеева ; примеч. Я.М. Строчкова. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1963. – 579 с. – (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
26. *Tredjakovskij V.K.* Psalter 1753 / erstausgabe besorgt und kommentiert von A. Levitsky; herausgegeben von R. Olesch und H. Rothe. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich, 1989. – 661 S. – (Biblia Slavica: Ser. 3, Ostslavische Bibeln ; Bd. 4).